

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15211>

КАТЕГОРИЯ АРТИКЛЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Г.В. Самородин

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

 SamorodinGW@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу потенциала для выражения идентичности у немецкого артикля как системного средства индивидуализации и классификации. Цель исследования заключается в выявлении основных способов выражения идентичности с использованием определенного и неопределенного артиклей в немецком языке. Материалом для анализа послужила сформированная при помощи корпусов коллекции DWDS репрезентативная выборка из 100 контекстов, вербализующих различные виды идентичности, а также построенный на ее основе исследовательский корпус. Исследование проводилось с помощью методов количественного и качественного анализа данных (QDA), интерпретации с элементами контекстуального анализа. Результаты, полученные в ходе исследования, демонстрируют три наиболее частотные синтаксические модели, используемые для выражения идентичности в немецком языке и представляющие собой бытийные структуры, в состав которых входят определенный либо неопределенный артикль. Выявленные модели позволили выделить две основные идентичности, для выражения которых используется категория артикля: ингерентную идентичность, связанную с врожденными и неизменными качествами персоналии, и ситуативно-обусловленную идентичность, предписанную внешними факторами и выбором говорящим уровня идентификации – до уровня члена класса или индивида, следовательно, изменяемую. При этом как ингерентная идентичность, так и ситуативно-обусловленная обнаруживают структуру, включающую в себя по три подвида. Полученные результаты призваны обратить внимание на необходимость пересмотра роли и функций артикля с позиции современной когнитивной парадигмы в языкознании и предложить способ системного осмысления механизмов функционирования выделенности и классификации при конструировании идентичности. Перспективы дальнейшего исследования включают рассмотрение возможности употребления нулевого артикля при конструировании идентичности и анализ использования артикля на материале иных языковых объективаций, с другими группами лексики.

Ключевые слова: идентичность, артикль, теория классов, индивидуализация, корпусный анализ, R, PoS-теггирование.

Для цитирования: Самородин Г.В. Категория артикля как средство выражения идентичности в немецком языке // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 2. С. 111–122. DOI: 10.18721/JHSS.15211

GERMAN ARTICLES AS A MEANS OF EXPRESSING IDENTITY

G.V. Samorodin

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation

✉ SamorodinGW@yandex.ru

Abstract. The present paper is devoted to the analysis of the potential for expressing identity of the German article as a systemic means of individualization and classification. The purpose of the study is to identify the main ways of expressing identity using the definite and indefinite articles in the German language. The material for the analysis includes a representative sample of 100 contexts that verbalize various types of identity, formed using corpora of the DWDS collection, as well as a research corpus built on its basis. The study implements methods of quantitative and qualitative data analysis (QDA), interpretation with elements of contextual analysis. The results obtained during the study demonstrate the 3 most frequent syntactic models represented by existential structures that include the definite or indefinite article, to express identity in the German language. The identified models enable the author to identify two main types of identity expressed upon the use of the category of article: inherent, associated with the innate and unchangeable qualities of a person, and situationally determined identity – prescribed by external factors and the speaker’s choice of the level of identification – to the level of a class member or a personality, thus, changeable identity. At the same time, both inherent and situationally determined identity include a structure with three subtypes. The results are intended to draw attention to the need to reconsider the role and functions of the article from the position of the modern cognitive paradigm in linguistics and to offer a way to systematically understand the mechanisms of the functioning of salience and classification in the construction of identity. Prospects for further research include consideration of the possibility of using null article for construction of identity and analysis of the use of article based on the material of other languages.

Keywords: identity, article, class theory, individual characteristics, corpus analysis, R, PoS-tagging.

Citation: Samorodin G.V., German articles as a means of expressing identity, *Terra Linguistica*, 15 (2) (2024) 111–122. DOI: 10.18721/JHSS.15211

Введение

Социальную значимость идентичности сегодня принято рассматривать с позиции наук гуманитарной парадигмы – философии, психологии, лингвистики и смежных дисциплин [1], поскольку решение проблемы самоопределения, иными словами отнесения себя к какой-либо социальной группе, а также осознание собственных отличительных признаков решают несколько системных экзистенциальных задач:

- 1) во-первых, идентичность как социальный конструкт позволяет индивиду выстраивать модели поведения для объектов окружающей действительности на основе известности/неизвестности их свойств, позволяющие наиболее рационально взаимодействовать с такими объектами;
- 2) во-вторых, осознавая собственные сильные и слабые стороны, индивид становится более подготовленным к внешним вызовам, повышает собственные шансы на выживание и достижение успеха в жизни;
- 3) в-третьих, обеспечивается возможность помочь другим членам общества (социальной группы и др.) идентифицировать себя, что положительным образом сказывается на групповой динамике успешности.

Все вышперечисленное так или иначе направлено на достижение глобальной цели, заключающейся в снижении энтропии [2] и выстраивании с окружающей средой отношений, основанных на логике безопасности. Возникает закономерный вопрос: какие классификационные маркеры [3]

и грамматические средства позволяют указывать на принадлежности индивида к каким-либо группам и классам, а равно — на обладание неповторимыми чертами, по которым индивида можно выделить из числа других членов класса.

Поскольку рассматриваемая проблематика затрагивает аспекты классификации и индивидуализации на основе отличительного признака, становится возможным предположить наличие у категории артикля в германских языках потенциала для выражения идентичности. Представители отечественных [4, 5] и зарубежных [6, 7] научных школ интерпретируют артикль через показатели известности/неизвестности, предупомянутасти, предметной соотнесенности и т.п. Несмотря на ряд очевидных достоинств существующих научно-теоретических положений, характеризующих артикль в германских языках, остаются и исследовательские лакуны, в частности, представляются недостаточно описанными «технологии» и системные механизмы выявления выделенности и классификации.

Так, не получили описания случаи употребления определенного артикля в ситуациях, когда выделенность формируется за счет «триггера» [7], задающего фрейм, в котором обязательные компоненты представлены в единственном числе, причем не имели места предупомянутасть и иные традиционно выделяемые механизмы:

(1) *Die Luft im Inneren des Toyota war stickig. Das Lenkrad war heiß, und er konnte es nur mit den Handballen und mit dem verbundenen Zeigefinger berühren. Er kurbelte das Fenster herunter* (Т. Glavinic. Die Arbeit der Nacht) // В салоне Тойоты было душно. Руль нагрелся так, что касаться его можно было лишь подушечками ладоней и перевязанным указательным пальцем. Он опустил окно¹.

В анализируемом контексте описывается фрейм «поездка на машине в жаркий день» и задаются все необходимые для этого фрейма единичные компоненты: автомобиль, его салон, нагретый воздух, руль как элемент управления автомобилем, окно, которое протагонист открывает для проветривания. Иные возможные и подразумеваемые элементы интерьера и управления транспортным средством, например, педали, не являются обязательными в данном фрейме, поскольку водителю не приходится взаимодействовать с ними таким образом, чтобы их способность нагреваться была релевантной.

С другой стороны, если обязательные компоненты выделяются за счет принадлежности к фрейму, то некоторые объекты, являясь онтологически салиентными, имеют свойство выделяться сами по себе, причем не столько из числа схожих с ними объектов, сколько на основе приписания индивидуализирующих признаков:

(2) *Dafür hat die Kultur besondere „poetische“ Gegenstände vorgesehen, die alle mit Ferne und Vagheit zu tun haben: etwa den Mond oder den Wind im Schilf* (D. Schwantz. Männer) // Для этого в культуре предусматриваются специальные «поэтические» вещи, связанные с далью и неопределенностью, вроде Луны и ветра в камышах.

Луна в данном контексте не является обязательным компонентом фрейма и выделяется за счет приписания индивидуализирующего признака «поэтичности» в дополнение к признаку уникальности — Луна как небесное тело и спутник Земли существует в единственном экземпляре.

В ряде случаев определенный артикль трактуется через признаки известности/неизвестности и предупомянутасти:

(3) *Eine Fliege krabbelte über Michaels rechten Handrücken. Er hob die Hand, die Fliege verschwand und kehrte einen Augenblick später auf dieselbe Stelle zurück* (I. Schulze. Neue Leben) // По тыльной стороне правой руки Михаэля ползла муха. Он поднял руку, муха исчезла и через мгновение ока вернулась на то же место.

Данный контекст иллюстрирует ставший классическим пример созависимости артикля и тема-рематической структуры текста. Муха, упоминаемая в тексте впервые, категоризируется на уровне члена класса — одна из мух, какая-то муха, что достигается при помощи неопределенного

¹ Здесь и далее в тексте перевод автора статьи. — Г.С.

артикля. Та же самая муха, упоминаемая в тексте далее, наделяется отличительными признаками – «та самая муха, которая ползла по руке протагониста», что выражается с помощью определенного артикля.

Предупомянутасть тем не менее не гарантирует приписания объекту отличительных признаков и не постулирует выделения объекта из совокупности ему подобных. Рассмотрим пример:

(4) *Alexi überlegte. Er war ein netter Kerl, aber nicht der Hellste. „Aber immerhin fragt jemand danach“, sagte er schließlich* (J. Arjouni. Chez Max) // Алекси думал. Он был хорошим парнем, но не самым сообразительным. «Ну об этом всегда кто-нибудь да спрашивает», сказал он наконец.

Предупомянутасть протагониста, названного по имени и упоминаемого впоследствии при помощи местоименной замены «он» [8], не приводит к выделению его из числа иных персоналий и приписанию ему на этом основании индивидуализирующих качеств, оставляя возможность категоризации на уровне члена класса «хороших парней» при помощи неопределенного артикля.

Подобным образом не получили достаточного описания и нуждаются в углубленном исследовании случаи, когда известный говорящему и слушающему объект однозначен и упоминается с неопределенным артиклем:

(5) *Wie es (a) ein Deutschland gibt, das Thomas Mann liebte, so gibt es (b) einen Thomas Mann, den wir liebten und noch lieben* (W. Lepenies. Kultur und Politik) // Подобно тому, как существует Германия, любившая Томаса Манна, существует и Томас Манн, которого мы любили и все еще любим.

Анализируемый контекст иллюстрирует два случая вербализации известных (по умолчанию) участникам коммуникации объектов и персоналий. Случай (a) основан на упоминании названия страны, случай (b) – на упоминании имени известного писателя, сопровождаемые и в том, и в другом случае постпозитивными определениями.

Таким образом, обнаруживается необходимость углубленного описания когнитивных механизмов выделенности и индивидуализации, свойственных носителю немецкой лингвокогнитивной картины мира. Более того, уточнения требует и описание классифицирующей функции немецкого артикля с учетом вариативности его применения. Наконец, отсутствие системного описания различий полностью формально совпадающих немецких структур, включающих имена собственные при вариативности артикля (в ситуациях, когда одно и то же имя собственное используется с каждым из трех видов артикля), обуславливают **актуальность** настоящего исследования, которая дополнительно подтверждается неизменным научным интересом к категории детерминации. На материале *английского* языка данная проблематика последовательно рассматривается в ряде работ О.А. Сулеймановой [2, 9, 10], что указывает на актуальность уточнения и некоторого пересмотра классических положений лингвистической теории с позиции современного когнитивно-дискурсивного исследования.

Поскольку конструирование идентичности связано с действием когнитивных механизмов категоризации/классификации и индивидуализации/выделенности, возникает гипотеза о возможности использования определенного (индивидуализирующего) и неопределенного (классифицирующего) артиклей для выражения идентичности в немецком языке.

Методология и материалы

В настоящем исследовании применяются методы, основанные на анализе лингвистических корпусов [10, 11] с применением специализированного программного обеспечения. Предварительная экспертиза репрезентативной выборки языкового материала (100 вхождений), выполненная с применением корпусов коллекции DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache)² и встроенного языка разметки DDC (DWDS/Dialing Concordance), позволила выявить три наиболее частотные синтаксические модели, используемые для построения высказываний, вербализующих различные виды идентичности:

² <https://dwds.de>

- Ich + sein (VAFIN) +DART + (ADJA?) + NE||NN: *Ich bin der (deutsche) Traum*;
- Ich + sein (VAFIN) +IART + (ADJA?) + NE||NN: *Ich bin ein (waschechter) Verräter*;
- Ich + sein + DART + ADJA: *Ich der Arme*.

Выявленные модели, представляющие собой бытийные структуры, содержащие определенный и неопределенный артикли, позволили сформировать однозначные формальные критерии поиска и использовались для дальнейшего отбора языкового материала, вошедшего в исследовательский корпус. Анализ полученного корпуса методами статистической обработки данных (QDA) [12], а также токенизации и дистрибутивного анализа с применением цифровых компонентов среды статистических вычислений R [13], в частности пакетов *tm*, *koRpus*, *SnowballC* и *tokenizers*, а также инструмента частеречной разметки (PoS-Tagging) и лемматизации RNNTagger [14] позволили получить данные о встречаемости лексических единиц в текстах (табл. 1).

Таблица 1. Данные количественно-статистического анализа (Топ-5)
Table 1. Quantitative and statistical analysis data (Top 5)

№ п/п	Вхождение	Количество
1.	ich	142
2.	sein (глагол)	142
3.	der (определенный артикль, все формы)	134
4.	ein (неопределенный артикль, все формы)	80
5.	und	35

Как видно из данных, представленных в таблице, определенный и неопределенный артикли входят в Топ-5 наиболее частотных лексических единиц и занимают 3-ю и 4-ю позиции в списке соответственно. При сопоставлении результатов проведенного статистического исследования со статистикой по материалам DWDS выявляется схожая тенденция: абсолютная частотность определенного артикля (89 896 ед. на 1 млн вхождений) превалирует над абсолютной частотностью неопределенного артикля (17 559 ед. на 1 млн вхождений), что указывает на примат индивидуализации и выделенности над классификацией как в общем смысле, так и при вербализации различных видов идентичности, основные из которых будут рассмотрены далее.

Результаты

Выделенные три модели содержат определенный и неопределенный артикли, использующиеся для вербализации идентичности в немецком языке. В настоящей работе предлагается бинарная структура идентичности, включающая в себя два основных способа ее выражения: *ингерентную* и *ситуативно-обусловленную* идентичности.

К **ингерентной** идентичности мы относим общепризнанные, не противоречащие здравому смыслу и существующие в реальности (врожденные) социальные и природные характеристики персоналии, такие как национальность, возраст и пол (мужской или женский), биологический вид (человек, живое существо) и т.п. Рассмотрим подробнее некоторые из них:

— **Национальная идентичность** может быть выражена при помощи неопределенного артикля, выполняющего классифицирующую функцию и выражающего принадлежность индивида к определенной национальности:

(6) *Ich bin ein Russe, guten Tag!* (Digital Nox) // Я русский, добрый день!

Маркер «русский» выступает в качестве обозначения этнической группы (класса), с которой говорящий отождествляет себя. Наряду с национальной идентичностью могут быть выражены этнические стереотипы:

(7) *Ich bin* (a) *ein Zigeuner*, (b) *ein Außenseiter*, (c) *ein Abenteuerer* (V. Baum. Menschen im Hotel) // Я цыган, изгой, авантюрист.

Синтаксический параллелизм в данном примере усиливает коммуникативный эффект, заложенный в высказывание: говорящий считает себя принадлежащим к трем взаимосвязанным по принципу национальной принадлежности (идентичность (a) «цыган» приравнивается протагонистом к идентичностям (b) «изгой» и (c) «авантюрист») классам одновременно, что подтверждается наличием неопределенного артикля.

Определенный артикль при вербализации национальной идентичности [15] указывает на отличительную черту, исключительность индивида или группы лиц как представителей национальности:

(8) *Wir sind die Russen, mit uns sind Gott, die heilige Gottesmutter, der Geist der berühmten Vorfahren!* (jstor.org) // Мы русские, с нами Бог, Пресвятая Богородица и дух великих предков!

Этнонациональная общность «русские» рассматривается как уникальная, оберегаемая высшими силами. Индивидуализация производится в высказывании посредством употребления определенного артикля.

— **Половозрастная идентичность** персоналии строится на категоризации себя в соответствии с текущей продолжительностью жизни и осознании собственной принадлежности к мужскому или женскому полу на основании биологического признака. Осознание половой идентичности также означает принятие специфической модели социальной интеракции:

(9) *Und sie läßt ihre Kinder hier zurück. Wissen Sie, was das bedeutet für eine Frau?* (L. Rinser. Mitte des Lebens) // И она оставляет детей здесь. Вы знаете, что это значит для женщины?

Упомянутая в анализируемом примере модель поведения позиционируется как заведомо негативная при любых условиях, поскольку в соответствии с нормами морали и социальной ответственности дети должны воспитываться родителями и жить в достойных условиях. Усиление предосудительного характера сложившихся обстоятельств достигается за счет упоминания половой идентичности протагониста. Хотя неопределенный артикль указывает на категоризацию описываемой персоналии на уровне члена класса «женщин», фактически здесь имеет место логическая подстановка, поскольку идентичность «женщина» приравнивается к идентичности «мать», что позволяет выразить моральные страдания героини, решившейся на подобный общественно-приемлемый поступок.

Антагонистическое противопоставление мужчин и женщин восходит к базирующемуся на негативных стереотипах и предрассудках оскорбительному мировоззрению, получившему наименование «сексизм»:

(10) *Ich bin ein Mann und du – ein Weib!* (S. Freud. Die Traumdeutung) // Я – мужчина, а ты – баба!

В основе описываемого случая лежит ложная пресуппозиция, будто мужчина от природы лучше женщины. Неопределенный артикль указывает на противопоставление не отдельных индивидов, а классов людей (*pars pro toto*).

Возрастная идентичность также нередко связывается с сопоставлением поведения персоналии с общественными ожиданиями, иными словами, анализируется уместность поведения для человека определенного возраста:

(11) *Am 10. November 1959 begann vor einer Sonderstrafkammer des Landgerichts Düsseldorf der Prozeß gegen führende Mitglieder des Friedenskomitees der Bundesrepublik Deutschland. Ich war der jüngste von fünf Verteidigern in dem größten politischen Strafprozeß, den die Bundesrepublik bis dahin erlebt hatte* (H. Hannover. Die Republik vor Gericht) // 10 ноября 1959 года в специальной уголовной палате Земельного суда Дюссельдорфа начался процесс против ведущих членов Комитета мира Федеративной Республики Германия. Я был младшим из пяти защитников в самом крупном политическом уголовном процессе из проводившихся до того момента в ФРГ.

Идентификация себя протагонистом как младшего из адвокатов на процессе указывает помимо возраста на то, что протагонист являлся, вероятно, самым малоопытным из участников

судебного разбирательства и в силу этого наименее уполномоченным лицом. С другой стороны, участие начинающего адвоката в «громком» процессе можно воспринимать как профессиональное достижение вследствие оказанного молодому специалисту высокого доверия.

– **Видовая идентичность** индивида выражается вербализацией его принадлежности к существующим в реальности классам живых существ:

(12) „*Ich bin ein Mensch*“, *gab der Narr zur Antwort* (G. Hauptmann) // «Я – человек», – сказал безумец в ответ.

Данный пример категоризирует говорящего на уровне члена класса «люди», что показано наличием в высказывании неопределенного артикля.

Осознание себя как живого существа, подобного другим, важно как с точки зрения психологии личности, так и с точки зрения социальной интеракции:

(13) *Ich bin ein Lebewesen, das wie alle anderen Lebewesen um mich herum, das Recht hat, Fehler zu machen* (vk.com) // Я живое существо, которое, как и все другие живые существа вокруг меня, имеет право на ошибку.

Говорящий не только осознает себя членом класса живых существ, не имеющим кардинальных отличий от ему подобных, но и называет признак сходства с ними: право совершать ошибки.

Видовая идентичность может указываться в целях выражения самоиронии, придания высказыванию комического эффекта:

(14) *Ich bin ein Schwein und dabei bin ich doch nicht unglücklich!* (L. Wittgenstein) // Я свинья и при этом нельзя сказать, что я несчастен!

Самоидентификация протагониста как «свиньи» (члена класса «свиней») основывается на закрепившихся в массовом сознании представлениях об образе жизни и поведении данного животного: неряшливости, прожорливости, лени, то есть в основе когнитивной подстановки лежит метафора. Поскольку протагонист, заведомо будучи человеком, не может в действительности являться свиньей (животным рода *Sus*), такой способ самоидентификации находится на перифериях ингерентной и ситуативно-обусловленной идентичностей.

Ситуативно-обусловленная идентичность и ее подвиды, в отличие от ингерентной идентичности, не являются врожденными. Они инкорпорируют различные виды изменяемых представлений о себе, зависящих от факторов внешней среды, а также непосредственного волеизъявления носителя идентичности:

– **Социально-ролевая идентичность** может выражаться посредством вербализации профессиональных умений, навыков, занимаемой должности:

(15) *Ich bin einem Boten gleich, der einen versiegelten Brief an den Ort seiner Bestimmung trägt* (R. Safranski. Friedrich Schiller) // Я похожу на курьера, который несет запечатанное письмо по месту назначения.

Данный пример характеризует говорящего как якобы принадлежащего к профессиональной группе (классу) «курьеры», что объясняется выполнением протагонистом действий, схожих с профессиональной деятельностью курьера.

Общественная значимость социокультурной идентичности вербализуется посредством лексических маркеров:

(16) *Für meinen Betrieb bin ich der richtige Mann, auf den man sich verlassen kann, der seine Arbeit tut und dabei nicht denkt und für das Unternehmen den Profit nicht senkt* (Freie Universität Berlin) // На своем предприятии я правильный человек, на которого можно положиться, который делает свою работу, не раздумывая при этом, и не снижает прибыль предприятия.

Определенный артикль рестриктивно выражает исключительные способности протагониста [9], делающие его в собственных глазах наиболее подходящим кандидатом на занимаемую им должность.

Следующий пример иллюстрирует гиперболизацию собственной значимости, высказанную индивидом, испытывающим положительные эмоции:

(17) *Oketani Hideaki etwa berichtet, daß Kamura Isota, als er erfuhr, daß er zum erstmal in der renommierten Zeitschrift Chuo koron publizieren durfte, schreit: „Ich bin die Nummer eins in Japan!“ und bewusstlos umfällt* (I. Hijiya-Kirschner: Selbstentblößungsrituale) // Окетани Хидеаки вроде указывал, что Камура Исота, узнав, что его в первый раз опубликуют в известном журнале «Chuo koro», закричал: «Да я же номер один в Японии!» – и упал без сил.

Определенный артикль используется для усиления выражения неповторимости автора, вошедшего в число авторов уважаемого издания.

– **Игровая идентичность** во многом базируется на создании индивидом представления о себе как о фольклорном, сказочном персонаже либо существе из фантастических произведений. Важно отметить, что процесс проработки такой идентичности носит характер ролевой игры и осознается индивидом в этом качестве.

(18) *Ich bin ein Echsenmensch* (Reddit.com) // Я рептилоид.

Индивид конструирует свою идентичность на основе существующего в прецедентных текстах жанра «фэнтези» представления об антропоморфных ящерах, населяющих болотистые местности, и причисляет себя к их виду (классу «Человек-ящер»).

Уникальные характеристики персонажа могут выражаться при помощи определенного артикля и атрибутива:

(19) *Ich bin wahrscheinlich die einzige lebende Hexe, die solch alte dunkle Magie verstehen kann* (OpenSubtitles 2016) // Я, по всей вероятности, единственная живая ведьма, которая может понять такую древнюю темную магию.

Уникальное умение персонажа, важное для дискурса ролевых игр, выделяет его среди ему подобных, чему способствует индивидуализирующая функция определенного артикля.

Принятие на себя ситуативно-обусловленной идентичности иногда может наблюдаться вне игрового дискурса. Рассмотрим высказывание американского физика-ядерщика Роберта Оппенгеймера, основанное на древнеиндийских текстах:

(20) *Ich bin der Tod geworden, der Zerstörer der Welten* (R. Oppenheimer) // Я стал Смертью, разрушителем миров.

Р. Оппенгеймер отождествляет себя со Смертью – мистической уникальной сущностью, появляющейся, чтобы прервать жизнь, поэтому в высказывании употребляется определенный артикль.

– **Мировоззренческая идентичность** может быть выражена при помощи языковых средств, направленных на отождествление собственной персоны говорящего с лидерами мнений и политическими силами:

(21) *1665 ruft der Sonnenkönig sein berühmtestes Wort in eine Versammlung der französischen Stände: „L’Etat c’est moi!“ – „Der Staat bin ich!“* (Hamburger Abendblatt) // В 1665 году Король-Солнце обратился к собранию французских сословий со своим известнейшим тезисом: «L’Etat c’est moi!» – «Государство – это я!»

Определенный артикль выполняет индивидуализирующую функцию, поскольку под словом *государство* подразумевается Франция.

Статистически значимое количество высказываний, выражающих идентичность адресанта, содержится в библейском дискурсе:

(22) *Ich bin das Alpha und das Omega, der Erste und der Letzte, der Ursprung und das Ziel* (Offenbarung 22:13) // Я есть альфа и омега, первый и последний, начало и конец.

Синтаксический параллелизм, свойственный анализируемому высказыванию, служит для усиления коммуникативного эффекта. Определенный артикль указывает на исключительность фигуры адресанта, выделяемую на основе индивидуализирующих признаков.

Отождествление себя с известными персоналиями является еще одной возможностью вербализации социально-ролевой идентичности:

(23) *Helene Fischer ist die deutsche Beyoncé* (YouTube/Myspass.de) // Хелена Фишер — это немецкая Бейонсе.

Певица Бейонсе — реально существующая персоналия, обладающая мировой известностью. Определенный артикль в данном примере возможен, поскольку с именем собственным употребляется атрибутив «немецкая», переводящий высказывание из категорирующего адресанта на уровне члена класса в выделяющее его по индивидуализирующему признаку.

Таким образом, описание человека, выделяющее характерные для него индивидуальные черты, может использоваться для конструирования идентичности, если индивидуализирующие признаки будут экстраполированы на других членов класса.

Дискуссия

Анализ возможностей употребления немецкого артикля как одной из наиболее частотных и употребительных языковых единиц на современном этапе развития науки представляется оправданным, поскольку интерпретация через признаки определенности как категории выделенности оказывается недостаточной, и проводимые исследования [2, 7, 9, 16] показывают, во-первых, сложную структуру определенности, не сводимой лишь к оппозициям известности-неизвестности и выделенности-невыделенности.

Выделенность как различительный признак, в свою очередь, оказывается недостаточной без конкретизации контекстного окружения [4, 11], поскольку, с одной стороны, не получили исчерпывающего описания когнитивные механизмы выделения объекта во фрейме, а с другой стороны, выделенность объекта в силу его единственности и обязательности в структуре описываемого фрейма, который задается широким контекстом, либо «триггером», задающим обязательные компоненты фрейма. Отсюда следует, что признак выделенности, который работает при описании имен собственных, может использоваться при конструировании описанных в настоящей работе пяти видов идентичности.

Исследовательский интерес также вызывает предупомянутость объекта, выражаемая при помощи конструкции из неопределенного артикля и имени собственного, кодирующего, например, уникальную (общеизвестную) персоналию (см. *Ich bin kein Marx, ich bin ein Woody Guthrie* (Der Tagesspiegel) // Я не Маркс, я Вуди Гатри), в связи с чем возникает гипотеза о способности известных объектов выполнять классифицирующую функцию.

Вклад настоящего исследования в развитие теории артикля заключается не только в поддержке идеи о необходимости уточнения классической лингвистической проблематики с позиции современной дискурсологии и когнитивистики, но также в попытке системного рассмотрения исследовательских лакун, обнаруженных при анализе современного уровня научной проработанности тематики.

Заключение

Определенный и неопределенный артикли в немецком языке могут использоваться для вербализации как минимум шести видов идентичности. При вербализации идентичности определенный артикль выполняет индивидуализирующую функцию, выделяя персоналию на основе уникальной характеристики, тогда как неопределенный артикль выполняет классифицирующую функцию и позволяет категоризовать персоналию на уровне члена класса (группы), что ранее считалось справедливым в основном для неодушевленных и, что гораздо важнее, неуникальных объектов.

Статистическое распределение показывает превалирование определенного артикля над неопределенным при вербализации мировоззренческой (90%) и социально-ролевой (73%) идентичности. Неопределенный артикль чаще встречается при конструировании видовой (86%) и национальной (70%) идентичности. Другие рассмотренные виды идентичности формируются при

относительном паритете форм, использующих определенный (43%) и неопределенный (57%) артикли. Такие статистические данные указывают на наличие доминант, раскрывающих когнитивные механизмы выделенности и классификации и позволяющих говорящему причислить себя к какой-либо группе персоналий (классифицирующая функция неопределенного артикля) или выделить собственную фигуру на фоне иных персоналий (индивидуализирующая функция определенного артикля).

Наконец исследование позволило выявить три предварительные синтаксические модели, использующиеся при вербализации идентичности и учитывающие функции артикля.

Практическая значимость работы заключается в том, что в ней предложены описания использования определенного и неопределенного артиклей с именами собственными, что может быть использовано при преподавании немецкого языка, в первую очередь – носителям безартиклевых языков, в том числе – русского, поскольку изучение категории артикля у данной категории обучающихся традиционно вызывает трудности.

Перспективы дальнейшего исследования включают анализ использования артикля на материале иных языковых объективаций (итальянский, французский, нидерландский и т.д.), с другими группами лексики, а также рассмотрение возможности употребления нулевого артикля при конструировании идентичности. Это позволит расширить представление о категории детерминации и языковых средствах, используемых в описанных ситуациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Викулова Л.Г., Серебrenникова Е.Ф., Вострикова О.В., Герасимова С.А. Лексемы *identite/* идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). С. 30–42.
2. Сулейманова О.А., Петрова И.М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 52–64.
3. Чупрына О.Г. Идентичность как лингвистическая и культурная проблема // Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу. М.: Издательский дом «ВКН», 2021. – С. 73–103.
4. Нefедов С.Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 354 с.
5. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 440 с.
6. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 17. Auflage. Leipzig : Langenscheidt, 1996. 735 S.
7. Hawkins J. Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, 1978. 192 p.
8. Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich / Hrsg. von W. Gladrow. Korrigierte und ergänzte Neuauflage. Berlin, Frankfurt/M., Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang, 1998. 320 S.
9. Сулейманова О.А. Когнитивный сценарий реализации категории определенности в практике использования английского артикля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Вып. 20 (2). С. 334–347. DOI: 10.21638/spbu09.2023.208
10. Suleimanova O.A. Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4, № 4. P. 39–50. DOI 10.22363/2521-442X-2020-4-4-39-50
11. Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E. Analyzing Social Meaning: How Words Matter in Social Contexts (Based on German Communicative Practice) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14, № 10. P. 1556–1566. DOI: 10.17516/1997-1370-0839
12. Чернявская В.Е. Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности российского университета 3.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 97–114. DOI: 10.17223/19986645/58/7

13. **Караваяева В.Г., Самородин Г.В.** Количественно-статистическая обработка данных лингвистических исследований с применением компьютерных алгоритмов // Большая конференция МГПУ: сборник тезисов: в 3 т. Москва, 28–30 июня 2023 года. Т. 3. М.: Издательство ПАРАДИГМА, 2023. С. 327–330.
14. **Schmid H.** Deep Learning-Based Morphological Taggers and Lemmatizers for Annotating Historical Texts // Proceedings of the 3rd International Conference on Digital Access to Textual Cultural Heritage. New York: Association for Computing Machine, 2019, pp. 133–137. DOI: 10.1145/3322905.3322915
15. **Тарева Е.Г.** Русский язык как инструмент становления наднациональной коллективной идентичности иностранных обучающихся // Русский язык за рубежом. 2022. № 2 (291). С. 21–26. DOI: 10.37632/PI.2022.291.2.004
16. **Langacker R.** Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press, 1987. 528 p.

REFERENCES

- [1] **Vikulova L.G., Serebrennikova Ye.F., Vostrikova O.V., Gerasimova S.A.,** Leksemy identite/identichnost kak elementy universumov cheloveka i yazyka: etnosemiometricheskii i aksiologicheskii aspekty interpretatsii [Lexemes identite/identity as elements of the human and language universes: ethnosemiometric and axiological aspects of interpretation], Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2 (831) (2020) 30–42.
- [2] **Suleimanova O.A., Petrova I.M.,** Eksplanatornyy potentsial teorii klassov dlya lingvisticheskogo issledovaniya: poryadok sledovaniya opredeleniy [Explanatory potential of the class theory in linguistic research: on the order of predicates], Philology: Scientific Researches. 3 (2018) 52–64.
- [3] **Chupryna O.G.,** Identichnost kak lingvisticheskaya i kulturnaya problema [Identity as a linguistic and cultural problem], Vzaimodeystviye yazykov i kultur: ot dialoga k polilogu. Publishing House VKN, Moscow, 2021, pp. 73–103.
- [4] **Nefedov S.T.,** Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Morfologiya [Theoretical grammar of the German language. Morphology], St. Petersburg University Press, St. Petersburg, 2018.
- [5] **Smirnitkiy A.I.,** Morfologiya angliyskogo yazyka [Morphology of the English language], Izd-vo lit. na inostr. yaz., Moscow, 1959.
- [6] **Helbig G., Buscha J.,** Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht, 17. Auflage, Langenscheidt, Leipzig, 1996.
- [7] **Hawkins J.,** Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction, Croom Helm, London, 1978.
- [8] Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich, Hrsg. von W. Gladrow, Korrigierte und ergänzte Neuauflage, Peter Lang, Berlin, Frankfurt/M., Bern, New York, Paris, Wien, 1998.
- [9] **Suleimanova O.A.,** Kognitivnyy stsenariy realizatsii kategorii opredelennosti v praktike ispolzovaniya angliyskogo artiklya [Category of definiteness in cognitive framing in the use of English article], Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 20 (2) (2023) 334–347. DOI: 10.21638/spbu09.2023.208
- [10] **Suleimanova O.A.,** Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices, Training, Language and Culture. 4 (4) (2020) 39–50. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-39-50
- [11] **Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E.,** Analyzing Social Meaning: How Words Matter in Social Contexts (Based on German Communicative Practice), Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 14 (10) (2021) 1556–1566. DOI: 10.17516/1997-1370-0839
- [12] **Chernyavskaya, V.Ye.,** Korpusno-orientirovannyi diskursivnyy analiz identichnosti rossiyskogo universiteta 3.0 [Corpus-assisted discourse analysis of Russian university 3.0 identity], Tomsk State University Journal of Philology. 58 (2019) 97–114. DOI: 10.17223/19986645/58/7
- [13] **Karavayeva V.G., Samorodin G.V.,** Kolichestvenno-statisticheskaya obrabotka dannykh lingvisticheskikh issledovaniy s primeneniym kompyuternykh algoritmov [QDA in computer-assisted linguistic research], Bolshaya konferentsiya MGPU, collection of theses, in 3 vols., Moscow, 2023, June 28–30, Izdatelstvo PARADIGMA, Moscow, 2023, pp. 327–330.

[14] **Schmid H.**, Deep Learning-Based Morphological Taggers and Lemmatizers for Annotating Historical Texts, Proceedings of the 3rd International Conference on Digital Access to Textual Cultural Heritage, Association for Computing Machine, New York, 2019, pp. 133–137. DOI: 10.1145/3322905.3322915

[15] **Tareva Ye.G.**, Russkiy yazyk kak instrument stanovleniya nadnatsionalnoy kollektivnoy identichnosti inostrannykh obuchayushchikhsya [The Russian language as a tool for the development of a supranational collective identity of foreign students], Russian Language Aboard. 2 (291) (2022) 21–26. DOI: 10.37632/PI.2022.291.2.004

[16] **Langacker R.**, Foundations of Cognitive Grammar, vol. 1, Stanford University Press, Stanford, 1987.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Самородин Георгий Владиславович

Georgii V. Samorodin

E-mail: SamorodinGW@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4179-0358>

Поступила: 18.03.2024; Одобрена: 07.06.2024; Принята: 15.06.2024.

Submitted: 18.03.2024; Approved: 07.06.2024; Accepted: 15.06.2024.